

Ищенко Оксана Владимировна

ГЕРОИ И МИФЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕВОЛЮЦИОНЕРА В БИОГРАФИЧЕСКОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается процесс формирования образа революционера в биографической и мемуарной литературе, созданной разными авторами в разные периоды времени, но ставившей перед собой единую цель - сохранение его как образца для подражания будущим поколениям. Сделан вывод о сходстве биографий молодых сибирских революционеров с житийной литературой, поскольку и те, и другие произведения писались по обобщенно-типической схеме, отражающей жизнь героя в соответствии с динамикой его приближения к высшей цели. Сформированные образы героев определяли историческое сознание послереволюционной эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 91-96. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

этнорелигиозной группе в этом государстве, определяющей фактом своего существования и доминирования его еврейский характер» [2, с. 91].

Другими словами, учитывая многовековую историю народов, населявших и населяющих Палестину, израильтяне как нация в целом еще не сформировались, доминирующую роль в стране играет самоидентификация гражданина не как «я – израильтянин», а как «я – еврей, араб, друз и пр.», причем если еврей, то из какой общины, какого направления иудаизма, с какого места двор основателя рода; араб – христианин, мусульманин, бедуин и т.д. Такое обособление религиозных и этнических групп ведет к политической поляризации населения. Различные национальные меньшинства, каких в стране предостаточно, образуют множество своих «мелких партий» в парламенте. Это существенно ослабляет представительство значительной части общества и зачастую ведет к правительственным кризисам.

Итак, большинство населения Израиля – еврейское. Но сами по себе евреи с точки зрения культурно-идеологического пласта не могут рассматриваться как единая этноконфессиональная группа. Евреи представлены ультраортодоксами, отрицающими существование государства, сионистами, видящими в создании Израиля исполнение библейских пророчеств. Между ультраортодоксами и сионистами находится еще ряд идеологически-центрированных групп. Диаметрально противоположные по своим убеждениям, культуре, традициям группы населения «тянут одеяло каждый на себя», требуя от государства блага, порой противоречащие друг другу. Израиль, со своей стороны, осуществляя принципы демократии, максимально предоставляет права и свободы каждому, при этом не забывает о государственных интересах и национальной безопасности.

Список источников

1. Аллахвердиев К. Этноконфессиональный фактор национальной безопасности государств Кавказа // Кавказ & глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 3. С. 7-22.
2. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 359 с.
3. Изаксон Р. А. К вопросу о положении арабского населения в государстве Израиль // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 4 (75). С. 135-141.
4. Информационное агентство cursorinfo.co.il [Электронный ресурс]. URL: <http://cursorinfo.co.il> (дата обращения: 05.12.2016).
5. Кулагин А. А. Друзская община в политической жизни стран Ближнего Востока // Политэкс. 2011. Т. 7. № 3. С. 211-220.

ETHNO-CONFESSIONAL COMPOSITION OF NATIONAL MINORITIES IN THE STATE OF ISRAEL

Izakson Raisa Andreevna

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Irkutsk
raysa@mail.ru

Ethno-confessional composition of national minorities in the State of Israel is analyzed in the paper. These are peoples, who are Christians (not Arabs), as well as social strata professing other religions (neither Judaism nor Islam) or not belonging to any religious group: the Druze, the Circassians, the Alawis, the Armenians, the Russians, the Greeks, the Ethiopians, etc. The author comes to the conclusion that the Israelites have not established themselves as a nation yet and the dominant role in the country is played by the citizen's self-identification not as "I am an Israeli", but as "I am a Jew, an Arab, a Druze, etc."

Key words and phrases: Israel; the Druze; the Circassians; the Alawis; the Armenians; the Russians; the Greeks.

УДК 94(57)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс формирования образа революционера в биографической и мемуарной литературе, созданной разными авторами в разные периоды времени, но ставившей перед собой единую цель – сохранение его как образца для подражания будущим поколениям. Сделан вывод о сходстве биографий молодых сибирских революционеров с житийной литературой, поскольку и те, и другие произведения писались по обобщенно-типической схеме, отражающей жизнь героя в соответствии с динамикой его приближения к высшей цели. Сформированные образы героев определяли историческое сознание послереволюционной эпохи.

Ключевые слова и фразы: образ; революционеры; герои; биографии; мемуары; житийная литература; историческое сознание.

Ищенко Оксана Владимировна, д.и.н., доцент

Сургутский государственный университет

iovf@yandex.ru

ГЕРОИ И МИФЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕВОЛЮЦИОНЕРА В БИОГРАФИЧЕСКОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Самосознание общества невозможно без знаний о прошлом и образов прошлого, живущих в его исторической памяти. Особенно актуальной становится проблема отношения к прошлому, если общество проходит через период серьезных социокультурных перемен, ломки традиционных стандартов и стереотипов

мышления [8, с. 6]. Переход 100-летнего рубежа, отделяющего нас от революционных событий 1917 г., актуализирует обращение к образам героев классовых битв в том виде, как их представляли (или пытались представить) современники и участники событий. В этом плане изучение биографий и воспоминаний как документов личного происхождения, относящихся к определенной эпохе, представляет огромную важность для исследователя, поскольку позволяет выявить те образы, которые современники событий пытались сохранить в памяти общества, формируя тем самым будущий взгляд на происходившие события.

С первых лет своего существования новая, Советская, власть стремилась к идеологическому обоснованию своего утверждения, что требовало наличия документальных материалов. Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б), более известной как Истпарт, была проведена большая работа по сбору и обработке источников личного происхождения, к числу которых относились мемуары участников революции. Данные материалы должны были не только сохранить сведения об эпохе, но и в значительной степени сконструировать ее через определенную подачу накопленной информации. Поэтому в партийных архивах сохранялись воспоминания не всех участников событий, а лишь тех, кто участвовал в них на стороне противника действовавшей власти и, по сути, оправдывал ее свержение. Это же можно отнести и к биографическим произведениям.

В научной литературе историческая биография часто понимается как жизнеописание, в центре внимания которого находится развитие человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира в тесной связи с эпохой и делом, которому эта личность себя посвятила [1, с. 223]. Именно такими описаниями жизни в контексте эпохи представляются биографии З. Лобкова, В. Тверитина, С. Дорониной, Л. Годисовой, С. Завьялова и многих других забытых ныне сибирских революционеров. Герои революции и гражданской войны, сражавшиеся за советскую власть и погибшие в этой борьбе, предстают на страницах биографий зачастую не реальными людьми, а некими идеальными образами революционеров, чьи дела и поступки должны были служить образцом для подражания и воспитания новых поколений борцов за правое дело [6, с. 180]. Описание их жизненного пути удивительно схоже с описанием подвижнического пути христианских святых, что неоднократно отмечалось в исследовательской литературе.

Жанр революционной агиографии, получивший широкое распространение в советское время, зародился, по мнению ряда ученых, еще в народническую эпоху. Революционеры-разночинцы исповедовали высокую идею равноапостольного служения человечеству, отражая в своих судьбах черты «святости», «подвижничества», «каскетизма», «учительства», «жертвенности» и фактически причисляя борцов за народное счастье к лику святых [2, с. 85]. Благодаря созданной системе представлений сложился своеобразный институт «героев и мучеников», в котором культивировался образ идеального революционера, соединявшего в себе черты религиозного мученика и «борца за свободу» [7]. Биография «страдальца за народ» должна была вызывать у читателя желание подражать ее герою, повторить его жизненный путь [8, с. 407].

Традиционно житийная литература представляла собой обобщенно-типическую схему спасения, поэтому набор стандартных мотивов должен был отразить жизнь героя в соответствии с динамикой его спасения, дороге, которой шел святой по пути земного бытия к Царствию Небесному. Жизнеописания святых начинались, как правило, с рождения героя в «благочестивой» семье. В революционных биографиях по умолчанию такой семьей в полной мере могла быть лишь пролетарская. Но поскольку сибирский пролетариат был довольно немногочисленным, а ведущая роль в революции принадлежала интеллигенции, мемуаристам и биографам приходилось чаще всего указывать на разрыв героя с семьей, которая не соответствовала революционным идеалам, и описывать обретение новой «семьи» в лице товарищей по революционному движению.

Так, например, биография Вениамина Тверитина начинается с указания на краткость жизненного пути и особенности социального происхождения революционера: «Товарищ Вениамин Тверитин родился 7 января 1898 г. Был убит белогвардейцами 30 июля 1918 г., т.е. погиб 20-ти лет, в расцвете юности и силы. По происхождению тов. Тверитин из состоятельной буржуазной семьи, в которой и провел детство и отрочество. Но режим купеческого быта не задавил чуткую, впечатлительную душу подростка, а выбросил ее в бурлящий поток революционной жизни. В 1914 году, 16-ти лет, он скрылся из дому» [4, д. 178, л. 1]. В сохранившихся в бывшем Омском партархиве «кратких сведениях» о Тверитине, оставленных участницей событий З. И. Могилевской, мотив отказа от ценностей своего социального слоя звучит еще более явно: «Был он родом из богатой купеческой семьи, но рано духовно отошел от взглядов и быта своей семьи... В жизни был очень нетребователен и если пользовался помощью матери, то только на самый необходимый прожиточный минимум. В дальнейшем Тверитин совершенно отказался от материальной поддержки семьи» [5, д. 708, л. 3-4].

Разрыв со средой описан практически во всех биографиях и мемуарах, повествующих о жизни близкого друга и соратника В. Тверитина – Залмана Лобкова, родители которого занимались торговлей. Так, в воспоминаниях знавшей З. Лобкова с юности З. И. Могилевской сказано: «Родители Залмана были очень зажиточные люди... но Залман очень рано отказался пользоваться всеми благами семьи» [Там же, д. 443, л. 35-36]. Автор статьи «Председатель большевистского комитета» Г. Шлевко писал про Лобкова: «С юных лет, порвав с богатой купеческой семьей, он встал на путь борьбы за освобождение человека» [Там же, б/л]. В опубликованном в 1925 г. тексте воспоминаний о Лобкове звучало еще более категоричное утверждение: «Отец его буржуа (купец – владелец гастрономического магазина) был безусловно далек от какой-либо революционной мысли. Мать – недалекая, забитая женщина, не могла ничего дать Залману кроме ласки... Но несмотря на такую обстановку, он не погрузился во тьму обывательщины, а стал истинным революционером» [4, д. 177, л. 4].

Указанные фрагменты не сходятся с воспоминаниями человека, стоявшего, пожалуй, ближе всех к Лобкову, – его сестры Анны Лобковой-Лебедевой. Положительно оценивая обстановку в родительской семье, она

писала, что дети больше любили отца, «он нас всегда ласкал», но и «мать тоже у нас была очень хорошей». Тем не менее, и она пытается представить свою, признанную биографами купеческой, семью как пролетарскую, поскольку ее отец изначально был грузчиком, но влюбился и уговорил бежать с собой мать – падчерицу миллионера Гольдмахера, а тот не мог допустить, чтобы зять был грузчиком и «сделал ему лавку». Со слов сестры, в раннем детстве разногласий с родителями у будущего революционера не было, а разрыв произошел после того, как Залман бросил учебу. Он критиковал отца за торговлю, осуждал торговцев за обман и воровство, говорил, что «все у тебя ворованное, а я ворованное есть не хочу», требовал от родителей раздать все, что они имеют [5, д. 443, л. 1-2]. В результате юный бунтарь ушел из дома. Таким образом, предначертание будущего революционера – разрыв с буржуазной средой – свершилось и в случае с Лобковым. При этом Залман «часто обращал внимание на беспризорных детей, давал им деньги, кормил, приводил к себе домой, а среди товарищей высказывал возмущение против неравенства всех людей» [4, д. 177, л. 4].

Казалось бы, с точки зрения соответствия канонам житийной литературы, больше повезло в жизни тем революционерам, кто родился в простой многодетной семье, как, например, Л. Годисова, отец которой был сапожником [Там же, д. 182, л. 9], или С. Доронина, происходившая из крестьянской среды [5, д. 203, л. 2], но этот обыденный факт не требовал детального описания, поэтому в биографиях вполне уместился в одну строчку. Однако даже в данном случае биографы и мемуаристы не всегда стремились к точному воспроизведению действительности. Так, в воспоминаниях о С. Завьялове указывалось, что он был из семьи крестьянина [4, д. 181, л. 1], но в воспоминаниях брата революционера их отец назван «сидельцем винной лавки». Стремление же показать изначальный революционный настрой всех членов семьи приводит автора к почти анекдотическому заключению о том, что даже в качестве продавца казённой водочной лавки Василий Михайлович Завьялов еще до революции 1907 г. «вел агитационную работу за свержение самодержавия, вливая революционную струю в крестьянские массы» [5, д. 249, л. 3-5].

Еще одним сходным моментом в биографии героев революции был подчеркиваемый жизнеописателями мотив стремления к учебе и тяги к знаниям. Практически все сибирские революционеры получили достойное по меркам начала XX в. образование: С. Завьялов окончил сельскохозяйственное училище, С. Доронина – учительскую семинарию, Л. Годисова – акушерско-фельдшерскую школу, В. Тверитин и З. Лобков учились в коммерческом училище. При этом, как отмечала З. И. Могилевская, среди молодых революционеров считалось позором учиться плохо, учились, в основном, на отлично [3, д. 33, л. 6]. Залман Лобков, например, в воспоминаниях описывается как человек, который учился блестяще, много читал, знал всю русскую классику [5, д. 443, л. 1-2].

Агиографическая литература прослеживала путь человека к Богу, к истинной вере. В партийной литературе путь героя предполагался более сложным: от религиозности к неверию в Бога, но к вере в торжество идеалов. Поэтому практически обязательной частью биографий революционеров являлся сюжет, подчеркивавший их отход от религии. Так, о неверии в Бога, а вере только в свою совесть заявляла на исповеди Стива Доронина [Там же, д. 203, л. 106]. Залман Лобков, согласно воспоминаниям о нем, не только сам не верил в Бога, но и настраивал товарищей против религии в период пребывания в коммерческом училище: «Дело дошло до того, что абсолютно все ученики отказались учить закон Божий... Ребята отказались присутствовать на уроках Закона Божьего или когда приходил батюшка, то они встречали его свистом и т.п. Двух батюшек совсем выжили из школы» [Там же, д. 443, л. 6].

У многих будущих революционеров рано проявились лидерские качества. Например, о Лобкове в изданных воспоминаниях сказано: «Даже во время уличных игр проявлялись творческие силы Залмана, и всегда он был организатором и руководителем игр» [4, д. 177, л. 4]. Его сестра Анна писала: «Залман был лидером, заводилой... Он сам был маленький ростом и очень худенький, а вокруг него вертелись громадные верзилы и делали, что он хотел» [5, д. 443, л. 3]. Однако был и другой вариант будущего революционера, такой, каким был, например, по воспоминаниям З. Могилевской, В. Тверитин: «Вениамин держался уединенно, избегал общества молодежи, всегда с книжкой под мышкой. Мы его окрестили кличкой “крайний индивидуалист”» [Там же, д. 708, л. 3-4]. Похожее описание встречается и в воспоминаниях И. В. Сурнова, соученика и соратника С. В. Завьялова: «По характеру своему Сергей производил впечатление замкнутого человека. Он был очень молчалив и красноречием не обладал. По натуре Сережа был весьма настойчивым и упрямым человеком. То, что он задумал и хотел провести в жизнь... он осуществлял» [4, д. 181, л. 3]. Здесь тоже прослеживается один из сюжетов агиографической литературы – раннее взросление, отказ от игр, обособление от окружающих.

Героя революции, как и святого, должна была отличать высокая нравственность. Скромность, простота, стремление жить для других были его характерными чертами. В воспоминаниях о Лобкове З. Могилевской говорилось: «В своих требованиях был очень скромен... и был очень общительным с людьми... Залман был очень чуткий, отзывчивый, большой души человек, в каждом встречном... он видел только хорошие черты и особенно любил он детей» [5, д. 443, л. 35-36]. Простодушно о характере Лобкова высказывалась и его сестра: «Он не пил, не курил. Был чрезвычайно добрым человеком, очень отзывчивым. Одевался он просто... Денег никогда не было, а когда деньги были, он их раздавал. Ничего не стоило любому прийти и сказать, что он хочет кушать, чтобы Залман высыпал все, что у него было. Был очень общительным человеком. В квартире всегда базар был... Всегда было народу полным-полно» [Там же, л. 6]. В похожих выражениях рисуется в воспоминаниях моральный облик С. Завьялова: «В нравственном отношении Сергей был весьма скромным человеком, и его этический уровень всегда был высок. Он не курил, не пил, в беде всегда помогал

товарищу, был отзывчив к нуждам других. Как товарищ Сергей был очень славным человеком. Чувство солидарности в нем было развито в очень сильной степени» [4, д. 181, л. 3].

Серьезной вехой в жизни будущего революционера становилось принятие им новой, теперь уже марксистской, веры и «крещение» – вступление в партию. Большую роль в этом играли старшие наставники социал-демократы, из рук в руки передававшие молодежи яркое пламя борьбы. Чаще всего в этой роли выступали ссыльные революционеры и передовые учителя, чье влияние на молодежь было наиболее сильным. Подобный фрагмент присутствует, например, в биографии С. Дорониной: «Большое влияние на формирование политических взглядов оказали политические ссыльные, которых тогда было много в Демьянске... Под влиянием прочитанных книг и разговоров со ссыльными, Степа твердо решила посвятить свою жизнь просвещению народа и стать учительницей» [5, д. 203, л. 30]. В дальнейшем, в период обучения в Ялуторовской женской учительской семинарии, большое влияние на С. Доронину оказали учительница истории А. Ф. Догаева и учительница литературы Е. А. Федосеева, член партии с 1905 г.: «Обе учительницы умело пользовались острым материалом своих предметов и много беседовали с молодежью на волнующие ее темы». Когда полвека спустя Федосеева узнала о судьбе Стивы, она сказала: «Значит не пропал наш пропагандистский труд напрасно» [Там же, л. 104-107].

Но если в случае с девушкой из простой крестьянской семьи Степанидой Дорониной все было предельно ясно, то выходцы из непростой среды З. Лобков и В. Тверитин предстают в биографиях людьми, которые не сразу вышли на правильный путь. И хотя, как пишет в воспоминаниях Анна Лобкова-Лебедева, в Тюменском коммерческом училище большое влияние на Залмана оказал преподаватель социал-демократ Ершов [Там же, д. 443, л. 5], но все же первый опыт борьбы им был получен не в марксистской организации. «И Залман Лобков, и Вениамин Тверитин во всем до фанатизма были последователями Толстого. Даже в одежде сказывалось их подражание. Оба носили черные или синие косоворотки, подпоясанные шнурочным пояском. Летом на ногах вместо кожаной обуви носили легкие резиновые галошки, во избежание пользования кожаной обувью ил кожаным ремнем, т.к. это влечет за собой смерть животного», – отмечала З. Могилевская [Там же, л. 36].

Понятно, что данный факт не красил будущего революционера, однако даже в житийной литературе присутствуют сюжеты отклонения героя в ересь, чтобы потом ярче звучал момент его возвращения на путь истинный. Так и в биографиях друзей дальнейшие события их жизни описаны приблизительно одинаково: за распространение толстовских антивоенных прокламаций Залман Лобков и Вениамин Тверитин были заключены в тюрьму. Произшедшие именно там «встречи с политическими ссыльными марксистами помогли... избавиться от толстовства и прийти к большевикам» [Там же, б/л]. Гражданская жена В. Тверитина Е. Мельцер описывает в своих воспоминаниях фактически момент марксистского «крещения»: «Под влиянием сидевших тогда в тюрьме старых социал-демократов, живо распропагандировавших юных неудачников, толстовский пыл у них рассеялся. Изучив ходившую в тюрьме марксистскую литературу, юноши решительно отказались от толстовских методов борьбы с социальным злом и избрали себе иной, активно революционный план жизни» [4, д. 178, л. 1]. И с той же искренней убежденностью в правоте уже новой идеи З. Лобков и В. Тверитин принимают за дело революции.

Отсюда вытекает еще один общий момент, характерный для формирования образа будущего героя революции, – подчеркивание его принадлежности к генеральной линии, отсутствие отклонений, строгое следование раз и навсегда выбранному пути. Из этого ряда несколько выбиваются ранее убежденные толстовцы Лобков и Тверитин, но ряд смягчающих обстоятельств, таких как молодость, антивоенная направленность деятельности, стремление к выражению протеста, да и личность самого Толстого, который, будучи отлученным от церкви, фактически перешел в оппозицию к властям, давал возможность отнестись к их ранним убеждениям снисходительно. Примечательно, что нет сформированных биографий, в которых был бы эпизод о эсеровском или кадетском прошлом революционера. Таких отклонений новая власть не прощала, и для создания образа героя такой человек не годился. К тому же не стоит забывать, что большинство биографий и воспоминаний писались посмертно, когда герой уже не мог испортить чистоту образа фактом, например, выступления против действующей власти.

Поэтому далее все без исключения герои не проявляют никаких колебаний. Так, в своих воспоминаниях о З. Лобкове З. И. Могилевская пишет: «В тюрьме Залман познакомился с социал-демократами, которые разбили его веру в толстовство и подковали марксистско-ленинской теорией. И Залман целиком и полностью примкнул к большевистскому революционному движению» [5, д. 443, л. 36]. «В Омске в 1916 г. Лобков вел непримиримую борьбу с меньшевиками и занимался подпольной работой», – вторит ей Г. Шлевко [Там же, б/л]. При этом мемуаристам приходилось признавать очевидный факт: в Сибири не было отдельных большевистских и меньшевистских партийных организаций, социал-демократические группы были объединенными. Но это объяснялось слабостью рабочего класса, поэтому «необходимо было еще завоевывать рабочие массы под знамя социал-демократии», и приехавший в Омск в 1916 г. «полураздетый и голодный» Лобков искал «связей с рабочей массой, главным образом в железнодорожных мастерских, он узнавал житье-бытье омских тружеников». Именно там, «освободившись от толстовской путаницы в голове, принявший марксизм, понявший ленинские идеи борьбы за партию, против войны, против капитализма, Лобков, попав в рабочую среду, находит свое настоящее место», вступив в омскую социал-демократическую организацию и «всегда выдерживая чисто большевистскую линию» [4, д. 177, л. 7, 37]. Примерно таким же, согласно воспоминаниям, был и путь В. Тверитина, который «осенью 1915 года уезжает в Москву учиться систематически в Народном университете им. Шанявского для того, чтобы работать, отдать все свои силы,

все свои знания рабочему классу. Тогда же, в 1915 г., вступает он в подпольную организацию социал-демократов (большевиков) и ведет организаторскую и пропагандистскую работу» [Там же, д. 178, л. 1]. «Давши слово посвятить себя беднейшему классу, входит в жизнь уже с запасом знания и с большим желанием работать» после окончания акушерско-фельдшерской школы Любовь Годисова [Там же, д. 182, л. 9].

В этой части биографий очевидно обязательное для всех формирующихся образов революционеров выделение близости их пролетариату, очищение через связь с передовым классом, стремление работать для его освобождения. Именно этим объяснялся отказ от прежних, пусть даже очень благих, намерений. Например, С. Дорошина, так желавшая «посвятить свою жизнь просвещению народа и стать учительницей», работая в деревенской школе, «много читала, раздумывала, мечтала о революционной деятельности. Назревал план посвятить свою жизнь делу рабочего класса, активной революционной борьбе. Для этого надо было отправиться в промышленный центр, попасть в рабочую среду» [5, д. 203, л. 31]. Весной 1916 г. она уезжает на курсы по переподготовке учителей в Тобольск, а оттуда – в Москву, где поступает в университет Шанявского и ведет партийную работу.

Следует подчеркнуть, что самым слабо освещенным сюжетом в воспоминаниях и мемуарах оставалась личная жизнь героев, описание которой чаще всего сводилось к упоминанию о наличии (либо отсутствии) жены или мужа, детей. Детализировалось чаще всего наличие супруга-единомышленника, товарища по партии (как это было, например, в случае семейного союза Л. Годисовой и С. Завьялова). Но все же повышенное внимание к личной жизни не могло быть признаком революционера. Он всецело принадлежал революции, которая априори была выше семьи и даже сыновьего долга, о чем убедительно свидетельствует фрагмент воспоминаний о С. Завьялове, отец которого, «несмотря на свой скудный заработок... и имея семью в числе 6 человек, все же желая дать образование своему сыну, определяет его в сельскохозяйственную школу в г. Тобольск... В 1916 г., перед свержением самодержавия, Сергей Васильевич, невзирая на настойчивые просьбы отца остаться в своей семье и помочь воспитать и дать образование остальным детям, он все же со своими товарищами по школе, как т.т. Лобковым... и другими, из Тобольска перебирается в Омск для активного участия в подпольной работе» [4, д. 181, л. 1]. Казалось бы, указанный эпизод должен бросить тень на светлый образ революционера, отказавшегося от помощи семье и не выполнившего волю воспитавшего его отца, однако он удивительно переключается с одним из евангельских сюжетов («Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:21-22, ср. Лк 9:59-60)), традиционно толкуемым как отказ от всего земного во имя достижения высшей цели.

Однако самой значительной и самой напряженной является та часть биографий молодых борцов за правое дело, которая посвящена их участию в революционных событиях 1917 г. При этом даже в период Февральской революции герои уже предвидели поле грядущих битв. Так, в опубликованных в газете «Советская Сибирь» в 1920 г. воспоминаниях о Лобкове В. Косарева упор сделан на его истовом служении революции: «Его хорошо помнит каждый омский рабочий. Маленький, черненький, с длинными волосами на трибуне он весь горел, когда разоблачал подвохи буржуазии, колебания соглашателей или когда доказывал неизбежную победу советской власти» [5, д. 443, б/л]. В Октябрьский период З. Лобкова отличал истовый труд, стремление отдать всего себя для победы революционного дела: «Когда из среды товарищей кто скажет, что он устал, то в таких случаях т. Лобков отшучивался и вообще старался замять разговор на эту тему. Не раз приходилось слышать от т. Лобкова на заседаниях Совета, что работа слишком тяжела, требует большого напряжения, знания, но дальше добавлял: “Ничего, справлюсь, обложусь необходимыми руководствами, осилю работу”» [4, д. 177, л. 19].

В. Тверитин, согласно его биографии, с началом Февральской революции «с головой ушел в кипучую атмосферу революционной работы. С раннего утра и до поздней ночи, а в начале революции и все ночи напролет, он был на партийном посту. Работал как агитатор, организатор, работал по налаживанию и распространению “Социал-демократа”. <...> Только сон отрывал его на несколько часов от работы; остальные 16-17 часов он проводил в комитете, на собраниях, митингах и проч. <...> Идея социалистической революции, ставшая такой близкой, заполнила все существо тов. Тверитина до последней мысли, до самого ничтожного движения, и всю октябрьскую боевую неделю с поразительным напряжением, без малейшей усталости провел он бессменно на своем посту комиссара военно-революционного комитета Городского района. Он всю неделю почти совершенно не спал и не ел, не снимал пальто, потерял шапку и не заметил этого. Это было его первое боевое крещение, и он с честью вышел из него, сумев проявить весь свой организаторский и стратегический талант, свою суровую железную волю воина-борца. И как он был бесконечно горд, как коммунист, победою Октябрьской революции, – это был счастливейший момент его жизни!» [Там же, д. 178, л. 2]. О. Б. Леонтьева, характеризуя литературу народнического толка, отмечала наличие в ней евангельских аллюзий и метафор («взойти на Голгофу», «апостолы социализма», «терновый венец», «мученики революции» и др.) [8, с. 419]. Рассматриваемый фрагмент содержит, скорее, отсылку к житийной литературе: герой после упоминаемого в тексте нового, теперь уже боевого, крещения полностью меняется, становясь воином-борцом, перейдя тем самым на новую ступень революционной иерархии [6, с. 184].

Октябрьская революция 1917 г. в представленных документах – высшая, кульминационная точка в жизни борцов. Но чем же должна завершаться биография героя революции? Как и в большинстве агиографических описаний – праведной кончиной и пророчеством о грядущем торжестве Идеи. Накануне неминуемой гибели герой анализирует пройденный им путь в контексте приближения к идеалу, как, например, В. Тверитин, утверждавший, по мнению биографа: «Самый счастливый, самый светлый период моей жизни – от Октябрьской революции и до сдачи Екатеринбурга, и собственно надо было бы, чтобы и жизнь моя закончилась на этом высшем аккорде социального творчества» [4, д. 178, л. 4]. Обстоятельства смерти В. Тверитина

остались неизвестными, однако типичность его судьбы не дала возможности мемуаристам усомниться в его праведной кончине, и в финале официально опубликованной биографии В. Тверитина звучат следующие слова: «Социальная революция лишилась одного из преданнейших сынов своих; коммунисты – одного из лучших товарищей. Память о нем ярко живет в сердцах знавших его, а его имя, наряду с многими другими именами борцов за социальную революцию, будет священо для рабочих всего мира» [Там же, л. 5].

Ожидаемое мученичество и финальный катарсис в полной мере реализуются в биографии арестованного и расстрелянного белыми З. Лобкова. В воспоминаниях о смерти Лобкова говорится, что этот «маленький, тщедушный на вид человек» под пытками никого не выдал, он остался «силен духом и тверд в убеждениях», неустанно подбадривая товарищей. «Перед лицом близкой смерти т. Лобков сохранил непоколебимое спокойствие, ясный ум и полную уверенность в победу пролетарской революции... И так погиб в ночь с 17 на 18 мая 1919 г. один из лучших сынов революции, т. Лобков, отдавший всю свою молодую жизнь до последней капли крови за дело рабочего класса» [Там же, д. 177, л. 27-28]. Геройски погиб в годы гражданской войны С. Завьялов, замучены белогвардейцами были Л. Годисова и С. Доронина.

Следует отметить, что в биографиях и мемуарах завершалась лишь земная жизнь героя, а далее сформированный образ должен был запечатлеться в сознании потомков, поэтому их авторы нередко обращались в архивы с просьбой хранить собранные материалы, поскольку, как писала автор ряда воспоминаний Е. Мельцер, когда «нас, стариков... не будет в живых, писателям или историкам придется домысливать (и удастся ли?), чтобы воссоздать облик нашего поколения» [5, д. 708, л. 266]. При этом к мученикам революции вполне подходило утверждение, сформулированное еще народниками: «Когда страсти улягутся... – перед этими людьми будут преклоняться, их будут считать за святых» [2, с. 85].

Таким образом, анализ сосредоточенного в бывших партийных архивах массива биографической и мемуарной литературы со всей очевидностью свидетельствует о том, как происходила огранка образа революционера. Подобно ювелиру, отсекающему лишнее, биографы выделяли основные грани жизненного пути борца, свято верящего в идею, высоко нравственного, готового умереть за свои идеалы. Результатом проделанной работы являлся чистый и незамутненный образ, сиявший светом революционного пламени и ставившийся образцом для подражания. Нельзя сказать, что все вышеуказанное относится только к послереволюционной эпохе, поскольку каждый исторический отрезок времени формирует свои образы героев, святых и мучеников. Однако сегодня, как верно отмечает О. Б. Леонтьева, в России складывается историческое сознание монархического типа, основанное на представлении о всемогуществе единоличной власти, в то время как идея массового протеста и революционных переворотов подверглась дискредитации, а идея народа как субъекта исторического процесса отошла на дальний план исторического сознания [8, с. 432]. Тем не менее, общество всегда нуждается в определенном наборе идеализированных образцов для подражания, поэтому даже век спустя обращение к формированию образа героя вряд ли утратит свою актуальность.

Список источников

1. Александров Е. П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4. С. 223-227.
2. Аникин А. В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) // Отечественная история. 1995. № 1. С. 78-92.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4058. Оп. 2.
4. Исторический архив Омской области. Ф. 19. Оп. 1.
5. Исторический архив Омской области. Ф. 411. Оп. 3.
6. Ищенко О. В. Формирование образа революционера в биографической литературе (на примере биографии В. Тверитина) // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (г. Пермь, 11-12 мая 2017 г.). Екатеринбург: Альфа-Принт, 2017. С. 179-188.
7. Киселев А. А. Источники формирования образа «героя» у членов партии социалистов-революционеров начала XX века [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Ч. 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20603> (дата обращения: 26.06.2017).
8. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с.

HEROES AND MYTHS OF THE RUSSIAN REVOLUTION: FORMATION OF THE REVOLUTIONARY'S IMAGE IN BIOGRAPHICAL AND MEMOIR LITERATURE

Ishchenko Oksana Vladimirovna, Doctor in History, Associate Professor
Surgut State University
iovf@yandex.ru

The article examines the process of forming the image of a revolutionary in biographical and memoir literature created by different authors at different time periods, but with a single goal – preserving it as an imitation model for future generations. A conclusion is made about similarity of biographies of young Siberian revolutionaries with hagiographic literature, since both were written according to a generalized-typical scheme reflecting the life of a hero in line with dynamics of his approach to the highest goal. The formed images of heroes determined historical consciousness of the post-revolutionary era.

Key words and phrases: image; revolutionaries; heroes; biography; memoirs; hagiographic literature; historical consciousness.